

Пытаясь насильственно изменить себя и свой религиозный тип, Аксаков после 1860 г. старался каждое своё суждение о церковной жизни сверять с тем, что писали старшие славянофилы. Тонко анализируя сущность религиозного модернизма, отчётливо отразившегося и во взглядах славянофилов, Тесля справедливо увязывает распространение морализма в сочетании с критическим (а подчас и явно негативным) отношением к сложившимся формам и многовековой практике Церкви как к «историческим наростам», которым противопоставлялись фундаменталистски идеализированные «первые века христианства», с изменением самого понятия о конфессиональной принадлежности в обществе (с. 393–399). Если вплоть до конца XVIII в. и в Европе, и в России для формального причисления к тому или иному вероисповеданию «требовалось соблюдать положенные ритуалы и воздерживаться от публичного отрицания некоторого набора утверждений», то к середине XIX в. всё чаще говорилось о необходимости «личного выбора» и «сознательности веры» (с. 400–402). В популяризации подобных убеждений (фактически – «протестантского уклона», по словам Тесля) славянофилы, включая Ивана Аксакова, сыграли немаловажную роль, на что первым обратил внимание ещё К.Н. Леонтьев.

Однако за время вынужденного общественного молчания в 1868–1875 гг. Аксаков, судя по всему, значительно изменился внутренне, стал гораздо терпимее относиться к представителям других консервативных течений в общественной жизни России и к иным проявлениям религиозности. Это и позволило ему во второй половине 1870-х гг. наряду с М.Н. Катковым и Ф.М. Достоевским, которым он противостоял в начале 1860-х гг., подняться до уровня «все-народного трибуна». Если прежде его печатное и устное слово нередко звучало желчно и крикливо, то теперь он высказывался почти всегда твёрдо, уверенно, с глубоким сознанием собственной правоты и достоинства (с. 610–614). Несмотря на отсутствие ярких успехов, к концу жизни Аксаков не только не озлобился, но и стал мягче относиться к людям, «при одновременном сохранении жёсткости общественной» (с. 618). Возможно, именно частичный отказ от бывшего морального максимализма и позволил ему закрепить за собой единственную в своём роде роль «голоса коренной России». Нехотя приняв в своё время нелёгкую ношу «наследства от отцов», Аксаков сумел не только не растерять его, но и передать следующему поколению поздних славянофилов конца XIX – начала XX в. Быть такой переходной фигурой – дело чрезвычайно тяжёлое и неблагодарное, но при всех, казалось бы, изначально неблагоприятных данных, И.С. Аксаков смог выполнить свой долг до конца. И, пожалуй, ранее ни в одной книге эти черты его личности и сложной судьбы не были выявлены с такой полнотой и убедительностью, как в новом труде А.А. Тесля. Остаётся пожелать только продолжения данного исследования и, например, создания первой монографии о К.С. Аксакове.

Александр Репников: Делай, что должен

Alexander Repnikov (Russian State Archive of Socio-Political History; Russian University of Theatre Arts): You should do what you must

В советское время, когда информацию о К.Н. Леонтьеве или Н.Я. Данилевском приходилось буквально собирать по крупицам, славянофилам повезло больше. Пусть и с известными оговорками, но они попали даже в школьные и вузовские учебники. А работы С.С. Дмитриева, Е.А. Дудзинской, Б.Ф. Егорова, В.А. Китаева, В.А. Кошелева, Т.Ф. Пирожковой, Н.И. Цимбаева и др. ста-

новились опорой для новых поколений исследователей³⁷. Сказывалось и то, что с определённого момента «советская система уже вполне допускала легитимацию национального чувства в контролируемых пределах и при условии соответствующего дискурсивного обрамления»³⁸. В результате ещё «в конце 1960-х – 1970-е годы националистические круги писателей были близки к тому, чтобы образовать самостоятельную субкультуру, объединённую собственным риторическим языком, а иногда даже – по примеру славянофилов – и “русским” стилем одежды»³⁹.

С конца XX в. количество публикаций и степень исследовательской свободы значительно возросли⁴⁰. Между тем до сих пор продолжаются дискуссии о принадлежности славянофилов к либералам или консерваторам, заставляя авторов искать новые, порою весьма неожиданные, дефиниции⁴¹. Выход в 2003 г. книги З.А. Каменского, написанной ещё в середине 1970-х гг., также свидетельствовал о неослабевающем интересе к теме, хотя он и вызвал критический отклик⁴². Дважды уже переиздавалось и «Славянофильство» Цимбаева⁴³.

Конечно, в наше время далеко не каждый одолеет 800 страниц, насыщенных иногда излишне большими цитатами. Предвидя это, Тесля не без самоиронии отмечает «неразумность» надежды на то, что читатель прочтёт книгу целиком, и даже сопровождает её своеобразным пояснением, дабы желающий мог выбрать наиболее интересные ему фрагменты в этом огромном эссе, инкрустированном интересными документами (с. 3–4).

Тесля старается без гнева и пристрастия показать взлёты и падения Аксакова, указывая на его особое место в славянофильской среде. На склоне лет он стал восприниматься, по словам о. И.И. Фуделя, как «последний из “отцов”» и своего рода живой классик. Однако не лишённое патетики введение завершается совсем не патетично: «Как это часто бывает, по мере “канонизации”, автор становится нечитаемым – “классику” надлежит поклоняться, его надлежит по-

³⁷ Дмитриев С.С. Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 72–98; он же. Подход должен быть конкретно-исторический // Вопросы литературы. 1969. № 12. С. 73–84; он же. Раннее славянофильство и утопический социализм // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 24–40; Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе; она же. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994; Егоров Б.Ф. Проблема, которую необходимо решить // Вопросы литературы. 1969. № 5. С. 128–135; он же. Эволюция национализма у славянофилов // Вопросы литературы. 1991. № 7. С. 84–96; Китаев В.А. Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации...; Кошелев В.А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840–1850-е годы). Л., 1984; Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России; он же. Славянофильство...

³⁸ Разуvalова А.И. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М., 2015. С. 458. См. также: Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.) / Отв. ред. В.В. Журавлёв. М., 2015.

³⁹ Разуvalова А.И. Указ. соч. С. 117.

⁴⁰ См., в частности: Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М., 1997; Симонова И.А. Фёдор Чижов. М., 2002; Славянофильство: pro et contra: творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / Сост. В.А. Фатеев. СПб., 2006; Аксаков И.С. Собрание сочинений. Т. 1. Кн. 1–2. В 2015 г. издательство «Политическая энциклопедия» (РОССПЭН) выпускает первую Аксаковскую энциклопедию.

⁴¹ Так, по мнению Е.В. Сартакова, «к “неполным” консерваторам, очевидно, следует отнести славянофилов». См.: Сартаков Е.В. Консервативная идеология в публицистике Гоголя и русской журналистике 1840-х годов. М., 2015. С. 16.

⁴² Каменский З.А. Философия славянофилов. Иван Киреевский и Алексей Хомяков. СПб., 2003. См.: Алексеев В. Безнадёжно устаревшая книга // Москва. 2003. № 11. С. 199–200.

⁴³ Цимбаев Н.И. Историософия на развалинах империи. М., 2007; он же. Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. Изд. 2, испр. и доп. М., 2013.

читать, искать у него подтверждения своих мнений – в его мнениях нужду испытывают гораздо реже» (с. 10). Действительно, трудно сказать, в какой мере те, кто называл себя наследниками славянофилов (от С.Ф. Шарапова до наших дней), пытались понять и принять их убеждения, а не только воспользоваться удобными цитатами для рассуждений об особом пути развития. Тем не менее «тот факт, что по сей день в публицистике используется “славянофильство” как обозначение позиции в ряду современных – во многом результат осуществлённого Аксаковым “транзита”» (с. 10).

Вместе с тем глубокий интерес к самому аксаковскому наследию сохраняется (и, возможно, даже растёт) лишь среди специалистов. Прагматизм эпохи, да и не только он, превращает подобные исследования в достояние небольших групп интеллектуалов, которые обсуждают их в своём же кругу. Даже университетский преподаватель и школьный учитель при необходимости скорее обратятся к энциклопедической статье. Гораздо меньшая по объёму биография, выпущенная тем же тысячным тиражом, имела бы больше шансов быть прочитанной до конца и, что самое главное, вызвать отклик у «широкого круга читателей». Всё же размышления о славянофильстве сегодня мало кого могут увлечь, в отличие от «модных» идеологов национализма и консерватизма или парадоксального К.Н. Леонтьева. Славянофилы для сегодняшнего дня излишне «романтичны» и не слишком «успешны». Ведь, как признаёт в заключении автор, его герой, отличавшийся личным благородством, искренностью и другими замечательными качествами, прожив «как должно», потерпел поражение: «Собственно, яркой удачи – ни одной, всё “вопреки”, со способностью раз за разом начинать вновь то, что считал должным, делать своё дело с энергией и энтузиазмом» (с. 618). И только? Аксаков, отдавший жизнь служению своим принципам, – не успешен? Но каков критерий «успешности»? Ведь по современным меркам «не успешен» и Дон-Кихот Ламанчский. Как тут не вспомнить сравнение Аксакова с рыцарем, которое так ему не нравилось...

Подводя итоги, Тесля пишет: «В обретающей новую жёсткость системе для самостоятельных публицистов-идеологов... пространства не было – система не нуждалась в них, предпочитая тех, кто будет обслуживать режим, находя приемлемое оформление для уже принятых решений – а не претендовать на самостоятельное значение, имевшее свой смысл в период..., когда режим нуждался в поддержке, в использовании разнородных ресурсов, опираясь на общественные силы (и тем самым до некоторой степени легитимируя их существование)» (с. 614). Тому, кто не читал книгу, может показаться, что это сказано не про аксаковские времена. Как быть, если в России всё повторяется? Делай, что должен... Этому и учит жизнь Ивана Сергеевича Аксакова.

Елена Мамонова: Пути и чувства Ивана Аксакова

Elena Mamonova («Rossiiskaia istoriia» journal, Moscow, Russia): Ivan Aksakov's ways and feelings

А.А. Тесля не случайно в самом начале своей книги об И.С. Аксакове указывает на то, что «она не является ни подробной биографией, ни систематическим изложением его взглядов» (с. 3). Автор пишет прежде всего про «чувства, настроения, переживания» своего героя, пытаясь с их помощью понять его жизненный путь и мировоззрение. Приводя обширные цитаты, Тесля подробно освещает, как Аксаков воспринимал и переживал те или иные события